

Я приобрёл удобрение, которое теперь лежало у меня под ногами, на складе сельскохозяйственных припасов, расположенном на материке. Для этого потребовалась лишь небольшая взятка в виде нескольких бутылок водки охранникам и обещание поделиться прибылью от подпольной продажи. Местный начальник позволил мне сделать это. Я был не первым – отчаявшиеся и коррумпированные уже разбирали советское наследие. Достаточно просто – никто не хотел иметь дело с двумя тысячами тонн этого хлама.

У меня не было никаких планов продавать удобрение. Я обманул начальника склада. С моей стороны потребовалось много усилий, чтобы доставить мешки сюда – к счастью, армия оставила тонны топлива и оборудования, когда уходила.

— Доктор Керенский! Отдай нам ключи!

Лысый мужчина в чёрном пальто зарычал на меня из-за баррикады из мешков с удобрениями. Я покачал головой, отказываясь сдвинуться с места. Он знал моё имя, потому что был местным гангстером и мародёром, стремившимся получить прибыль от моей опасной работы. Мародёр подал знак своим людям. Они ворвались в здание, выламывая двери, пытаясь оттолкнуть в сторону многочисленные мешки с удобрениями.

Позади меня, под мозаикой с изображением первого космонавта, были полки с научными работами и холодильники, в которых находились первые живые машины, созданные самой Вселенной за тысячелетия, – вирусы и бактерии. На этикетках, сделанных моим почерком, были указаны их названия, которых многие боялись: сибирская язва, оспа, чёрная смерть, бруцеллёз, туляремия, коронавирус и многие, многие другие РНК-вирусы и бактерии, которые мы изучали, модифицировали и улучшали. Компьютерные базы данных гудели в стороне, содержащие данные бактериологических и вирулентных исследований, собранные почти за полвека командой, которая работала под моим руководством.

По традиции капитан шёл ко дну вместе с кораблём. Я был метафорическим капитаном Аральска-7, последним стражем его больше не бьющегося сердца – лаборатории биологического оружия. В течение последней недели полторы тысячи человек, которые жили на острове Возрождения и работали в Аральске-7, были эвакуированы армией. Гражданская и военная инфраструктура были брошены, а советский объект превратился в город-призрак.

Я отказался уходить, отказался покинуть свой пост. Солдаты не позаботились о том, чтобы вытащить меня из лаборатории – они знали, что валюта, в которой им платили, превратилась в мусор. Они знали, что ответственные люди отказались от этого места. Не было никакой надлежащей процедуры, никакого чёткого приказа о выводе объекта из эксплуатации, всё должно было быть просто брошено, оставлено позади. Казахстан отделился от СССР 16 декабря 1991 года. Всё, что осталось, теперь принадлежало им. Объект вместе со всеми его контейнерами смерти принадлежал им, согласно едва стабильному, новоиспечённому демократическому Российскому правительству.

Двести тонн сибирской язвы плюс другие гораздо более отвратительные вещи, хранящиеся на базе, были объявлены проблемой Казахстана! Казахстан никак не мог справиться с микроскопическими кошмарами, таившимися в этом месте. Его выход из состава СССР и

падение спроса на продукцию тяжёлой промышленности привели к страшному шоку для их экономики. Анархия и хаос усиливались с каждым днём, и конца им не было видно.

Я знал, что Казахстан ничего не сделает для защиты или уничтожения этого места. Беспечность постсоветского правительства была безумной, но в наши дни это стало нормой. Империя, которую мы с таким трудом строили, пала, и все люди, которые когда-то работали здесь, создавая смерть, навсегда покинули это место, бросив всё.

Опасные на вид люди в чёрных балаклавах прибыли на судне на воздушной подушке всего через неделю после отъезда солдат. Проклятые падальщики! Я знал, что они хотели совершить набег на лаборатории.

Намётки смерти за моей спиной могли бы дорого стоить в умелых руках – если бы у гангстеров были связи, они могли бы продать их китайцам или американцам, чтобы выпустить на волю в каком-нибудь отдалённом будущем. С другой стороны, если бы мародёры были глупы и беспечны, они могли бы заразиться и распространить смерть и страдания по всей планете.

Я бы не позволил, чтобы моя работа была раскрыта человечеству! Аральск-7 не стал бы ещё одним Чернобылем. Когда они бросились ко мне, я отпустил спусковой крючок, и ракетница выстрелила в землю, воспламенив мазут, который я вылил на мешки с удобрениями. Открытый кислородный баллон шипел у моих ног. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы огонь достиг трёх сотен градусов по цельсию.

Я улыбнулся, когда лицо гангстера исказилось в панике, а вокруг меня расцвели волны огня. Я рассмеялся, когда моя одежда загорелась.

Ни он, ни кто-либо другой не смог бы воспользоваться моим наследием смерти. Я знал, что при правильных условиях нитрат аммония в удобрении почти мгновенно превращается из твёрдого вещества в газ. Когда происходила такая реакция, детонационная волна распространялась со сверхзвуковой скоростью, уничтожая всё на своём пути.

Сотни тонн нитрата аммония вокруг лаборатории и подо мной вспыхнули в результате каталитической реакции, когда я сделал свой последний вдох на этой усталой земле.

Я не видел грибовидного облака, которым сейчас был Аральск-7, но я знал, что это было красиво.